

Владимир Максимов

Путешествие А. Пушкина в Европу

Владимир Максимов

**Путешествие А. С.
Пушкина в Европу**

«Издательские решения»

Максимов В.

Путешествие А. С. Пушкина в Европу / В. Максимов —
«Издательские решения»,

Автор пишет альтернативные истории по фактам, о которых спорят пушкиноведы: о посещении Ревеля, о побеге после дуэли, о сотрудничестве с Дюма, опираясь на возможные встречи с его современниками за пределами России, о его любви к Марии Волконской (Раевской).

Содержание

1 Побег Пушкина из Михайловского	6
Пролог	6
2 Вторая жизнь Александра Пушкина	11
3 Побег Александра морем	16
4 Дебют матроса Александра	20
5 Раздумья Александра	23
6 Судьба друзей Александра	27
7 История любви Александра	30
8 Геркулесовы столпы и Рубикон Александра	34
9 Грани любви Александра	38
10 Александр и Эдмон	42
11 Храм в душе Александра	46
12 Безответная любовь к Александру	50
13 Наследство и предсказание Александру	54
14 Александр и Русская Америка мецената	58
15 Александр в Русском доме в Риме	61
16 Александр и Зинаида в Риме	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Путешествие А. С. Пушкина в Европу

Владимир Максимов

© Владимир Максимов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Побег Пушкина из Михайловского

Пролог

Предание: Пушкин посетил
И Ревель древний по делам..
Где прежде комендантом был
Арап царя Петра Абрам.
О родословной он мечтал,
Архив прочесть весьма желал
Об эфиопе – прадеде
У князя турком краденном.
Тогда, в жестокие годы,
Продать рабов иль апельсины
Было обычным промыслом
А не зазорным домыслом.
Невольник – мальчик продан был,
С царём Петром подарком жил.

Экскурсоводы в древнем Таллинне
Вовсю ту версию гласят,
Ссылаются на умных баринов,
На чашку кофе пригласят...
Рассказ ведут на грани такта,
Показывают артефакты:
Со зданья русского посольства
Глядит чрез линзочки старик:
Весь в пудре покрывал парик
С лорнетом любопытный лик.
И получает удовольствие
От лицезренья женских фиг.
Намёки каждый понимает
Но все за правду принимают.

Толпа туристов им там внимлет
И всё за истину приемлет
На фоне очевидных фактов,
Хотя проверить их бы как-то...
Какой-то ревельский историк,
Среди французских мадригал,
Счетов, записок и риторик,
Наткнулся и расшифровал...
Счета, записки-ли оставил
На память нам поэт России?
Науке ребус тут представил.
Взялись решать его благие.

Признали вензель, спорят сами,
Друг другу фигу шлют в кармане...
«...Постыло жить в Руси с талантом»,
Где правят бездари там бал..
Поэт мечтал стать эмигрантом,
Французский он как русский знал.
Те письма, где мечтой делился,
Свой план отплыть твердил упрямо:
С ним Вяземский договорился
Бежать из Ревеля хоть дамой.
Хоть боной притвориться мог
Хоть с чёртом, лишь бы он помог
Скорей в Европе оказаться.
С Михайловского он удрал.
Верхом согласен был он мчаться,
Друзьям достойным доверяться.

Чрез Святогорское под Псковом
На Дерпт (счас -Тарту) он помчал,
Поля ржанные, бор сосновый
Его побег там прикрывал.
Секреты свято он берёг
И честь друзей предать не мог.
Собрали денег понемногу,
Чтоб оплатить ему дорогу.
У Дельвига ли был и Вульфа?
Нет тех стихов, сжёг их поэт.
Чтоб не смогли винить огульно
Друзей, соседа скрыл обет.
Быть может он в поэме сжёг
Главу, – про это, – не сберёг.

Объединяла их одна
Знакомая, и вдохновляла,
В соседях Пушкину являлась
Чудным мгновением она.
Согласно старины преданьям
У близких в Дерпте была Анна.
В разводе с мужем и в блужданиях
Онегин стал её романом.
Подарок Пушкина в Тригорске
Читала Анна вновь и вновь,
И воплощала по – актёрски
Азы обмана и любовь.
Недаром Пушкин сомневался,
Дарить стихи, но всё же сдался.

В поездке в Ревель не судьба
Была им встретиться, хоть в нём

Надежда всё-ж была вольна,
Как и сомнение во всём.
Хотя влюблён он был когда-то,
Теперь надежд к ней не питал...
Про свадьбу Дельвига узнал,
Поздравить друга жаждал свято.
Как видим, поводов, эмоций
У Пушкина было полно,
Душе его ещё столкнуться
Не раз с обманом суждено.
Чувствительный к намёкам, слухам,
Раним был он, но крепок духом.

Он в Ревель срочно прискакал,
Но Окаёмов опоздал,
На судно с ними не попал,
Под Нарвой ось сдала, и встал, —
Обоз на встречу опоздал.
Поэт пакет с деньгами взял,
Что Вяземский ему отдал,
В расписке вензель рисовал,
Поставил свой инициал,
Купил коней и ускакал.
Души сомнения развеял,
Прозрел в чужбине, стал умнее.
Хотя в душе был суеверен
Дух Фауста к себе примерил...

И не поддался сатане.
Он русский дух не разменял.
На жизнь заморскую в вине.
Своим друзьям не изменял
На вечны маяния странствий.
Не по душе то лютеранство
Дороже было христианство
Своих церквей блеск и убранство.
Лишь поклонился он волнам
И дюнам с соснами на берегу,
Прадеда крепости стенам
Седым от войн и от набегов.
Побег уроком ему стал:
Души все раны залатал.

Что за струна была задета,
Что так смутило ум поэта?
Чужая речь иль нравы света,
Когда как женщина одетый,
Как грешница покорная,
Сидел на стуле у столба,

Ошейника позорного,
Судьбу ругал: «Вот завела!..»
Туда приковывали шлюх,
Всем жителям для показух.
Его, потомка Ганнибала,
Там, в Ревеле, совсем не ждала
По сути ни одна душа,
Лишь звоном гнала ратуша.

Там во дворце Черноголовых
Балы давали, и несметно...
Девы плясали там с баронами,
И можно было незаметно
Там познакомиться и жить,
Остаться, вовсе не тужить.
Хотя и было то возможно,
Он в Ревеле был осторожным.
Но если б думал он иначе,
Совсем другим бы Пушкин стал...
И мы-б французские стихи
Прибили бы на пьедестал...
Поэта русского мы вряд ли
Читали —б, слог его иссяк бы.

Другим с чужбины он вернулся,
И заблужденья осознал.
Судьбу свою перевернул,
Наталию выбрал, мужем стал,
И наконец остепенился,
В отца семейства превратился,
Пока не перебрались в Питер,
Не закрутились по визитам.
Та близость ко двору и игры,
Раутов и балов чреда,
Приблизили развязку, – сыгран
Его сценарий, и беда
Пришла с Дантесом роковая,
Дуэль, – и участь гробовая.

2 Вторая жизнь Александра Пушкина

«Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет.
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.»
Александр Сергеевич Пушкин

Гуляет в народе новая весть,
и судят пушкиноведы:
Якобы новые факты есть,
вскрыли о Пушкине где-то.

Спорили долго, судили – рядили,
логично то, в чём – то правы.
Мы изучали, что нам огласили,
невеждами стали лукаво.

Сделали фильм о спорах своих,
видели, и обомлели:
Смотрит с экранов знакомый лик
поэта с фото Дагера.

Представил себе, что поэт избежал
ему опостылившего Света.
По ком бы в той жизни он переживал,
если-б случилось это?

Смелее не скажешь: «Поэт не погиб!»
случилось другое с ним.
Подстроено было, остался жив,
в земле спрятан его двойник.

Государь, узнав про его побег,
решил тайно похоронить.
И Тургенев взялся секрет сохранить
в Михайловском парке навек.

Не простились с прахом друзья и семья,
смирились не ропща о том.
Приказано было молчать о нём,
народ чтоб не гневал царя.

Велел Николай написать некролог,
подложный, чтоб тайны изъять.
Искусные писари службе под стать
Искали заданный слог.

Секретным агентам дал царь наказ:
искать следы его.
Просился поэт в Париж у него, —
разведка писала приказ...

Какие там тайны крал у царя?
Бенкендорф интриги творил:
В Одессе, Михайловском бунтаря
в изгнании скукой морил.

Грехи его тяжкие, — невыездным,
Вдруг стал, хоть попал в Коллегию.
Друзья дипломатами были, а с ним
общенье как с «энциклопедией».

В архивах ему разрешалось сидеть,
Узнать Пугачёва движение.
Заслугой его считают везде:
на Русском писал, — уважение!

Онегин, «чужой всем во все времена»,
описан, — как в воду глядел.
В поэта стрелял, так его — ли вина?..
Судьбу предсказал себе?

Сценарий себе на остаток лет:
сменился для анахорета.
Писал поэт прозой. Задумался Свет:
совсем исписался на нет?

Не стерпел подарка- «рогов» от Дантеса.
Наталию к нему ревновал.
В соперники даже Царя записал,
как будто послушался беса.

Шутник — сатана с ним играть не стал,
совет «Фаусту» дельный дал:
«Обет если — б кровью ты подписал!
вернул бы тебе «пьедестал»,

Главу очертя, поэт подписал,
сердца постук зажал.
Бесовский план побега внимал,
и перстень с ядом забрал.

«Тебе судьба — поехать в Париж,
Дюма будешь дело вершить.
Марии родного сына приблизь, —

по любви рождён, – так и быть!»

Историю Пушкин в стихах описал,
как будто сон оживил.
Себе судьбу будто он начертал
и «Фауста» тень осветил.

Удивлялся Пушкин таким словам,
удивился завтра делам.
С утра его вызвал к себе Бенкендорф,
Николай начал разговор!

– «Решено, Александр Сергеич, Мы
в Париж посылаем тебя,
Секретно, чтоб службу там нёс ты
Царя и Россию любя.

Пошлют тебя учиться у Витте, —
Учись, – это верный шпион!
В Одессе служил, – его не судите, —
Свой долг там выполнил он»...

За дело взялся, камергером стал,
советником у царя.
Николай частенько его наставлял:
«В Париже служи не зря:

Старайся, как дома, предателей знать,
среди русских, французов их выявлять,
Не мало шпионов в России опять
их всех нужно нам наказать.

Намедни мне весть принесли в кабинет:
Дантес, мой охранник, опасен.
Мы знаем, тебе он не друг, и семье.
К дуэли призвать ты согласен.

Поручим его устранить тебе,
стреляешь, – знаю, – метко.
Известен в дуэлях вояка уже,
щадил визави нередко»...

Послушал Пушкин шёпот души-
Ему – ли стать палачом?
Дело одно – защита семьи,
расправа с ним ни при чём.

«Подчинись!», – сатана ему шептал,
и всё состоится тебе.

Крутился у Пушкина жизни финал,
свернуть невозможно уже.

Он симулировал свою смерть
от дуэльных ран- повреждений.
Благо в руках был яд, и пример, —
царя прежнего отрешенье.

«Прощаясь» с близкими, он просил
Жуковского перстень вручить
Марие, которую в тайне любил.
Не мог он Одессу забыть.

Узнал, у кого сын живёт её
Наперсница, тётка ей всё же.
Пусть будет он с ним и не утаён.
Большой, на неё похожий.

Ему жизни радость и счастья дай Боже!..
Смело Пушкин принял свой яд,
Для виду пиявками обложен.
Угас, словно бросился в Ад.

Он погрузился в сон. Не может
увидеть близких своих,
Услышать последние крики их, —
ничто его сон не тревожит.

Очнулся он на третий день.
Темно, ощупал гроб.
Толкнул коленом, слышит топот:
Пришли, – их мелькнула тень...

«Я скоро покину свой скорбный «пост», —
двойник займёт его место.
Тогда настанет день фиесты.
Теперь не Пушкин я, – матрос.

И место мне на пароходе.
Скорей на палубу спешу,
Ноги бегут уже по сходням.
Уверен, в воду не гляжу.

Отчаливаем, Петербург!
Прости меня, мой верный друг!
Мосты и шпильи удалялись.
В тумане плавно растворялись...

Ну наконец- таки Россия

Растаяла за горизонтом.
Вокруг места уже чужие.
Жизнь новую начну законно»...

—

Но оказалось, что приснилось
Ему такое, сил-то нет!
Очнулся, – тут его портрет,
Над ним, склонясь, Елизавета

Со лба проворно пот стирает,
Ухаживает, как святая!
Вот чудеса! Так не бывает...
И снова сон глаза смыкает...

3 Побег Александра морем

Лишь год спустя поэт уплыл.
Путь продолжал как царь решил,
Как Витте тайнам научил,
И Бенкендорф всё утвердил.

Так что- ж отчаялись они?
Секрет тому был очень прост:
Жандарм вдруг потерял следы.
И сразу доложил. Вопрос

Возник: «Что же нам делать?»
«В Париж, – искать! Как? – Ваше дело!»
А Александр меж тем крепчал,
Его волна не укачала.

Матроса дело изучал,
По вантам лазил к парусам,
Канаты к кнехтам он вязал.
По трапам вниз легко слезал.

Как будто жизнь прошла его
На корабле, – бывал два раза.-
На Черноморье плыл, – всего...
Запомнил ту премудрость сразу?

Он драил палубу как все,
И рынду чистил... По весне
Залив Финлянский полноводен.
Льды таяли, и путь свободен

Налево Ревель – крепость знал
Ещё там прадед Ганнибал.
Фортификации создал,
И гавань крепостью восстал.

Сверкают купола церквей,
И шпили кирх к небу стремятся,
С зарядом облаков тягаться,
Кто кого будет посильней...

Как раз там молния сверкнула,
И будто изнутри тот шпиль
Сначала дымом потянуло,
Потом огнём зажгло фитиль.

И полыхнула кирха, дым
Закрыл весь город, лишь на круче
Был виден Вышгородский Храм,
Где Крузенштерну по делам

Екатерина склеп воздвигла.
Царица к славе призвала
Отважных немцев, и достигли
Неведомых берегов не мало

И в целом мире слышна слава,
Расширилось России право
По островам форты прославить.
Туземцы и индейцы здорово

Дружили с нами, не стеснялись.
Подарки брали и дарили, —
Для них дружить привычно было.
На радость пели и плясали

Соседство их не угнетало.
Аляска дружной с нами стала.
Новоархангельск – стольный стал,
В Америке русской – держава.

...

В том же соборе рядом Грейгу
Царица славу, честь воздала.
У шведов Гогланд он забрал,
И Карла в море наказал.

Ливония и Дания,
Финляндия, Эстония
России в откуп перешли.
Подвиг героя был велик!

Ещё в лицее Пушкин знал,
Как воевал тот адмирал,
В атаку как он поднимал,
Пример потомкам он давал.

Поэта это привлекало,
И в путешествия так звало,
Что он согласен был перо
Сменить на «машку» и весло.

Он поначалу уставал,
Перо в чернила не макал.
Но вдохновенно доверял
Черновикам свой идеал.

В котомку прятал от участия
Он зашифрованные вирши.
На парусах ушли с ненастья,
После грозы стал ветер тише,

Машине дали средний ход.
Убрали паруса. Вперёд
Колёсами шумя, стремился
Вдаль шёл, и дым за ним струился.

На мостик капитан поднялся,
Трубу подзорную к глазам, —
Привычный инструмент, — поднял, —
За горизонтом поднимался

Стеною сосен, тёмных скал
Берег он шведский увидал,
И курс поправил прямо в шхеры,
Готовился войти маневром

По предписанью в порт Стокгольм.
Команда: «Всех свистать наверх!»
Построились в шеренгу рядом
Красавцы вдоль борта в параде.

Посла России встретил мэр.
Команда: «Вольно!»... Расставался
Поэт наш с «Кэпом» попрощался.
Плыть пароходу, — путь на верфь,

В Кронштадте исправлять ошибки:
Команда помпой шуровала,
Почти весь путь воду качала.
Посланникам сказать не шибко

Хотелось: честь мундира ближе.
Колёс гребных ход раскачал,
Вибрировал там коленвал.
Пришлось прервать путь до Парижа.

4 Дебют матроса Александра

«Ты верен здесь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.»
Гете И. В. «Фауст»

Стокгольм. Свободен Александр.
Под видом моряка шагает
По набережной. Здесь не зван
Он ни к кому, и сам решает

Что делать, где остановиться.
И где вина ему напиться.
Как раз трактир, а в нём матросы.
Уроки Витте: «На расспросы

Нафантазируй больше ты,
Чтоб меньше было понятых,
Твои следы совсем запутай!»
И Александр наш там без шуток

В игру с матросами вступил.
И выиграл! Ромом угостил.
Веселье овладело миром,
Он стал для кабачка кумиром.

Признали своего братка,
Заядлого картёжника.
Узнал герой наш о маршрутах,
Куда корабль идёт, откуда.

Как к капитану подступиться,
Чтоб в кабале не очутиться.
Порассказали, кто есть кто:
Сменили много «хомутов».

Выбрал себе корабль в Неаполь, —
Французский «Фараон» с Марселя.
Эдмон там «кэпом» был. По трапу
Поэт – матрос покинул берег.

Шикарный барк стоял у стенки.
Погрузка полным ходом шла.
«Кэп» быстро глянул в документы,
Поговорил, встал, «краба» жал.

Понравились они друг другу.
И Александра принял он.
Помощник удовлетворён,
С командой пополнения туго...

Не по душе КЭПу та рвань,
Что подбирал «второй» на борт.
Итак вокруг стояла брань,
И в море было много ссор.

Герой наш к вахте приступил.
Как раз пора на реи лазить.
На барке много есть ветрил,
И каждый свой узел развяжет.

На брамсель – рею он взлезал,
Как в цирке на канате встал,
Нагнулся, узел свой достал.
Свисток! – и быстро развязал.

Упал парус, ветром надулся.
«Концы отдать!», – и в путь рванулся.
Барк вышел в шхеры, накренился.
И снова Пушкин в путь пустился.

Авторитет он заимел, —
Не каждый был настолько смел,
Чтоб верхотуру покорять,
Узлы на рее развязать.

Талант повсюду пригодится
Куда- то если устремится,
Успехом должен проявиться,
Действительно, коль потрудиться.

Он ловкостью всех покори́л.
«Второй» лишь глаз к нему косил:
Убрали протезе его,
Отправили с борта сего...

5 Раздумья Александра

В моря отчалил наш герой.
Ведь надо- же так исхитриться!
И в эмигранта превратиться,
Как тут привыкнуть? Сам не свой!

Надёжно спрятан он на бриге.
Запутаны следы отныне.
Что на душе его творится?
Пока бриг реет над пучиной.

Какое испытание
Семье, друзьям он учинил!
Замучили их его тайны!
Откуда взяли столько сил!

Послание Николаю слал
Заботу оказать родным.
Он сумму выделил для них,
Всех обеспечить обещал.

Детей жаль, там своих оставил.
Внимания лишил их зря.
Был занят службой для царя,
Немало дел тайных составил.

А Николай благодарил, —
В Коллегию определил
Словесных таинств и наук
Советником он стал не вдруг.

Не всё друзья его прочтут
Скорей его все проклянут.
Забудут точно, и порвут...
Надежда лишь на тайну тут.

В сердца он сеял всем любовь,
Мечтал: пожнёт сторицей вновь.
К друзьям стремился путь найти,
Поднять их души из рутин.

Любви Натальи не дождался,
Не слёзы, — злобу увидал.
К её душе не достучался,
Хотя свою ей всю отдал.

Он сколько жизнью оживил,
Судеб он сколько изменил!
Мечтою жил и их любил,
Пока им нужен был и мил.

И наступало охлаждение,
Тогда рвалась от них душа.
Рассудок приглушал сомненья,
Отраду мудрым он внушал.

Восторг пылал воображенья,
И радость он тогда вкушал.
Любовью дам он не гнушался.
Особенно во время пенья.

Последнее вспомнил свиданье
В Москве с Марией.. Собиралась
К мужу в Сибирь. В тот миг рассталась
С поэтом. Всё ему сказала.

Как он её там поучал,
А не любил.– лишь убеждал.
Благоразумие внушал...
То был последний у них бал.

Отверг любовь былую дам.
Сжѐг все мосты – пути назад
Теперь под тайной послал в Ад.
Но гложет совесть, семя там

Он бросил, вдруг прижились всходы
Его потомство, – сыновья
В Италии следы их вроде.
Без матерей... «Виновен я!»...

Идет бриг прямо в Каттегат,
Из дымки выплыл Амстердам.
Культурен город и богат.
И Ганнибал учился там.

Фортификации освоил.
Такие же везде построил.
Прекрасна гавань и стоят
Дома вдоль пристаней, дымят

На каждой крыше дымоход,
Внутри камины, там тепло,
Им там огонь, – уют, светло.
Не то что в кубриках их ждѐт,

Ведь морякам – в гамак бы влезть,
Укрыться -б тёплым одеялом,
«Комфорт» тут: у кого что есть...
Хотя, устав, все крепко спали.

Качал их бриг по воле волн,
И капитан корабль провёл
Проливы позади остались,
В просторы моря ветры гнали.

Брега забрезжили в ночи
Британия там впереди.
Ла-Манш, пролив пошире прежних
Вдали французский берег брезжет.

Видать слегка там порт Кале,
В Дувре маяк блестит во тьме.
Чуть видна крепость на скале
На фоне неба в вышине.

Шербур с зарёй предстал пред ними, —
Большая гавань, за ней – город.
Над морем грозно реет форт,
Он прикрывает вход в тот порт.

Судов на рейде много там,
Тесно причалам, парусам
Пестрит от флагов побережье,
Французам подают надежду...

Сильнее ветер, бриг мотает,
То к небу носом, то на дно.
Прибрали паруса, – не в рае.
Аду скорее то равно.

Как чернью небо затянуло
Дождь крупный лил и мачты гнуло.
Напрягся старый такелаж,
В готовности весь экипаж.

Все ждут команд, лишь капитан
На мостике свой курс держал.
Уверенность другим внушал
Его невозмутимый стан.

Бретань прошли, мыс обогнули
И штиль! Лёг в дрейф их бриг, – вздохнули.
Принялись паруса латать,

И машкой драить, протирать...

В Атлантику вышел их бриг.
И неожиданно притих, —
Гроза всех кораблей, — титан...
Гостей уважил океан.

6 Судьба друзей Александра

Проснулся ветер, встрепенулся,
И паруса брига надулись.
Корабль понёсся по волнам
К далёким западным берегам.

Прошли берега Испании,
По курсу Португалия.
Втянулся в дело моряка
Наш Александр. Да, не легка

Судьба поэта: на ладонях
Мозоли выросли. Не стонет
Наш путешественник, любуясь
На берега и даль морскую.

Стран, городов вид привлекает
Его пытливый ум мечтает
Ступить скорей на берег тот,
Куда душа его зовёт.

Пока его мы там оставим,
Пусть бриг его вперёд несёт.
Вернёмся в Питер. По уставу
«КЭп» доложил, отдал отчёт.

Жандармы живо передали
Доклад, читал всё Бенкендорф,
И понял, – чтоб не было ссор
С царём, пока службы искали,

Не стоит говорить, – позвал
К себе Тургенева. Тот знал,
Что делать, и в Париж поехал, —
Дороги высохли, – в карете.

Попутно шёл в Стокгольм запрос
Разведке, чтоб его нашли,
Куда подался наш матрос,
Куда ведут его следы.

Рodne же Пушкина- наказ:
Молчать о нём гласил приказ!
Запрет печатать всех касался.
Недоумение осталось...

Накинули на рот «платок», —
Как о преступнике – молчок!
Друзьям хотелось обсудить,
Как с властью этой дальше жить.

Везде агенты жандармерий
В словах ищут поползновенья,
Власть жёсткой каменной рукой
Упрячет, вмиг найдёт покой

Мятущимся друзьям поэта
Пришла сомнительная лета...
Не каждый хочет, чтоб послали
Его жить там, где не желали...

Так подчинили своей воле
Не декабристов поневоле.
А в глубине сибирских руд
Влачили жизнь и рабский труд,

Терпели высшие чины,
С которых сорваны погоны.
Били в боях Наполеона.
Ослушались – обречены.

В том полицейском государстве
Их конституция – лишь блеф.
Когда ещё взойдёт посев,
Закон сметёт крестьян бунтарство?

Мария вслед за мужем мчала,
С трудами добралась до края
Сурового, где муж сидел,
И поселилась... поседела.

Свиданья долго дожидалась,
И жить покорно там осталась.
Верна была она венцу,
Молилась за него Отцу.

Детей оставила родне,
За что проклял её отец.
Лишь перед смертью снял свой бич,
Благословил всех для приличья.

Детей пристроили родным, —
Покинули Россию вскоре
Вслед Зинаиде, – не любим
Их дом родной, – стал им чужим.

Там Зинаида их встречала,
(И кой – кого усыновляла.)
Дворец салоном русским слыл
Известен во всём мире был.

Так оказались их потомки
В Италии гостеприимной,
Учились, жили не в потёмках,
Стихи и музыку любили.

7 История любви Александра

Красив богатый Лиссабон
Дворцы и церкви на скале
В порту судов там «миллион»,
И в море тесно. Кораблей

На рейде встретили немало.
Удачно разошлись с одним,
Как тут же вслед грозит нахал, —
Штурвал вращал «Кэп» перед ним,

И резко срезал курс слепым...
Вперёд смотрящему: «Глядеть!!!,
А не зевать и не сидеть!»
Качнуло бриг, гротом косым

Едва не сбил матроса за борт.
Но обошлось, — ни жив- ни мёртв,
Лежал он долго под тем гротом,
Спасла друзей его забота.

А Александр освоился,
Писать простой прозой продолжил.
Карандашом, настроился
Французам дарить свой дар Божий.

...
Воспоминанья о Марии
Его будили по ночам.
Он вспомнил, как в карете мчал
В Болтышки, — жару дал коням!..

К Раевским в дом поэт вбежал,
Радужно встретила родня.
Предстал пред ними, и всё зря!
Богаче ждали жениха...

Вернулся к морю он в Одессу,
Марию встретил, умолчал:
Отказ родителей... Всех к Бесу!
Вот почему так отвечал.

И о любви уж не мечтал.
Марию только поучал...
Действительно, — млада ещё,
И жизнь другая ждёт её...

А сам кутить, играть до ночи,
Чтоб заглушить печаль среди прочих...
Когда Мария уезжала,
У Александра сердце жало.

Мария – вся в слезах, – обидел,
«Стихи лишь только на уме».
Прочь с сердца, глаз его не видеть!
«Пуškai решают с кем жить мне!..»

Примчал в Одессу брат её:
Ему доверила обиду.
Жизнь превратил он в месть – в интригу,
Да так, что прокляли его.

Рассудочный и жёсткий ум
Его не внял советам Света.
Он весь затмился местью этой, —
Себе назло убить поэта.

Граф Воронцов прогнал обоих.
Отмщение Пушкину – изгою!
Поэт подробности узнал,
В «Онегине» зашифровал...

...
А так прекрасно начиналось!
Семья Раевских в горы рвалась.
С собой поэта тогда взяли:
Лечится на Кавказ позвали.

Жил с ними вместе в Пятигорске,
Машук гору он покорял.
Душою сблизился с героем
Войны Отечественной там.

Семья сдружилась с Александром,
Он как родной для них там стал.
Под их опекой менял жанр
Стихов. Любви момент настал.

Романтик был он по натуре,
И в тех «полуденных краях»
Средь образованных дворян
Влюблялся в детские фигуры.

О них в «Онегине» писал
Начальные картины счастья.
Сестёр характер, идеал
Провинциальной сельской страсти.

«Минутной нежной красотой»
Екатерина поразила.
И Александра подменило,
Чувства пылали к деве той.

Но больше находил покой,
Когда гулял с сестрой другой, —
Марией, — но не «смел следов
Коснуться», только образ свой

Он смел представить с нею рядом,
Стеснялся дать понять ей взглядом,
Чтоб не пугать её причуд...
Дай Бог мечты те оживут.

Особенно был восхищён,
Когда в Гурзуфе разместились
В дом Ришелье, — там тайны были
В углах тех стен был поглощён

Его пытливый ум поэта, —
Читал французские стихи,
Глаз на полях читал пометы
Хозяина, — оставил их

На суд потомков и гостей,
Мысли свои, его друзей,
Всё было там так интересно,
Поэту каждый штрих был к месту!

С Марией бегали у моря,
С волной играла, он ей вторил.
Влюбилась искренне она,
Оттаяла его душа...

8 Геркулесовы столпы и Рубикон Александра

«Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, —
Не говори: «он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжелой сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо явил
Пугливое его воображение
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданиях, унижение;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Все тайное своим печальным взором, —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором
А.С.Пушкин «Коварность» (1824)

Идёт наш барк по океану,
Атлантика, чужие страны.
Тесно там стало капитану
Ведут суда как те же хамы, —

Их в Лиссабоне избежали...
Агрессия их шалая,
На одного уже напали, —
Заметны флаги алые-

Пираты! Пушки все «на товсь!», —
Ощерились борта, бойницы
Чуть охладили тех бойцов, —
Заметили, что не боится...

Дали уйти, – испуг им нужен,
Чтоб поживиться там, где хуже
Товар прикрыт своим оружием.
Тут право сильного на куше...

...

На горизонте – Гибралтар!
Нависли горы над проливом.
Все верили, что Ад- Тартар
Иль Рай для всех за ним красивый.

Гадали, что тот край Земли
Сулит тем, кто пересекает,
Считали все свои грехи,
Что перед Богом он представит.

Тот, кто проходит Рубикон,
Запомнит миг на всю жизнь он.
И будет кроток, чист пред Богом,
Так верили, и слава Богу.

Поэту нашему труднее, —
Он ношу на себя взвалил
Непреподъёмную, – любил,
Друзьям своим безумно верил.

Коварства он не ожидал,
От брата старшего Марии.
Ведь прежде так они дружили!
Друг друга часто убеждали

Друзья открыто улыбались,
Друг с другом преданность блюли.
А тут как два врага сошлись,
И принципам не уступали...

В раздор вмешали Воронцову,
Хотя была она не с ним...
Искать причины? Был он злым, —
Муж выгнал Пушкина за слово,

Изящно, зло назвал его
Поэт в той эпиграмме.
«Полу – подлец»... он наконец.
Коварство принял как венец

Своей так безграничной веры
В дружбу, любовь, судьбу свою,
Ему давно предсказанну.
С тех пор урок усвоил первый,

И руководствовался им,
Поосторожней стал к чужим,
И недоверчивее к многим,
Которых он любил как Бога.

Но много раз пытался правду
Узнать о том он от Марии,
Молчала наша героиня,
Добился, встретив, лишь часть правды:

Как на него она сердилась,
Обидой брату поделилась.
Жалела, что так плохо вышло,
Исправить это бы не лишне...

Но мужу век она верна,
В Сибирь отправилась одна.
В одном она с ним поделилась,
Что все секреты, что носила,

Невестке Зине доверяла...
«Ей верь одной!» – она сказала.
Карета с клавирами
Пустилась в путь далёкий гордо...

Надолго разошлись пути,
Признание теплилось в груди.
Надежды рухнули, прозрел,
Нашёл естественный предел,

И перешёл он Рубикон,
Другим стал в этой жизни он.
Теперь, пролив пересекая,
Он понял- жизнь его другая

Не может начинаться прежде,
Чем он не выяснит в надежде,
Что там Мария доверяла,
Когда невестке плод вручала...

9 Грани любви Александра

Любовь! – Как много и как мало
Нам в этом слове прозвучало!
Иному жизнь прожить предстало,
Чтоб признать: счастье бывало...

Другой как искру испытал,
Всю жизнь берёт в душе кристалл.
Любовью называет третий, —
Стиснул подругу, рвёт и треплет,

Довёл себя, – он слеп и глух,
Кипит в нем сатанинский дух,
Рычит, орёт, взрывая слух,
И изгибается за двух.

Кто с ним сегодня, – нет значенья.
Исполнил он предназначенье,
И горд собой, что покорил,
Себя другой он подарил...

Романтики любви иные
Встречаются. О них мечты
Витают в девах молодых,
Не умирают в пожилых.

Чтоб вежлив был, тактичен с дамой,
Умел внимание привлечь,
Искрой ума, гармоний гаммой,
Стихом блеснуть, глаголом жечь.

Понравиться подругам, маме,
Отцу по нраву стать и брату,
Условий много, – выбирать
Из многих запрещает мать.

Не верится, что есть такие,
Чаще встречаются другие...
Я уверяю Вас, что есть!
Жива галантность в них и честь.

Наш Александр Боготворил
Любовь к избранницам своим.
С ними всегда он честен был,
В стихах и памяти носил.

Не многим ведомо сейчас
Понятие Благодворенья,
Уходит в прошлое явление
Из лексикона и общенья.

Сродни религии оно:
И оживает у немногих,
Склонять чело пред Ней способных,
Не многим чувство то дано!

Испытывать благоговенье
От вида, грации и пенья,
Мечтать коснуться, – славен день!
Не спать потом в ночную сень!

Волосы гладить как у фей,
Биенье сердца слушать в ней.
Способен был поэт любить
Так, чтоб навеки в сердце быть.

Прост обаяния секрет:
Наутро он давал ответ,
Что предан будет много лет,
Носить в душе её портрет...

Не всем известно: Зинаида
Чтоб не терять его из виду
Портрет вручила, покидая,
С Россией связи порывая...

Была она средь фавориток,
Близка, обласкана царём.
Покинул всех он, и о нём
Она тужила, не забыт он...

Напоминал о нём салон,
Где он бывал, оперы слушал,
Она играла – и был он
Доволен и не равнодушен...

Подарки слал и содержал,
Ей Русский дом он поддержал
В Италии он был построен,
Фонтан Треви благоустроил.

В него туристы до сих пор
В Риме монеты утопляют,
В надежде, – это возвращает
К красотам дивным, – то бесспорно!

Центр тот весь Свет зауважал,
Царицей бала Зина стала,
И арии она спевала
Из модных опер, целовал

Ей ручки каждый, кто ценил
Искусство, и цветы дарил!
Тургенев тоже был среди них,
Париж оставил на борзых

Помощников, сюда приехал,
Почуял, куда дует ветер,
Куда поэт должен приехать,
Он дам поэта всех приметил...

Бриг к острову Святой Елены
Пришёл, на якорь в бухту стал,
Спустили шлюпку, – первый зам
Уплыл на остров незабвенный.

Часовню посетил он там
На берегу поклон отдал
Буонапарте дух витал,
Память о нём он почитал.

Любовь и память император
Оставил в сердце как оратор,
Как он к войне всех привлекал,
И у Москвы нашёл финал.

Он в благодарных оживал.
Хранят поныне идеал:
Чуть ни всемирный пьедестал
Создал, и сам на нём стоял.

На шлюпке той и Пушкин плыл,
Ещё в лицее им он бредил.
Предчувствия войны, трагедий
Заранее предвидел. Был

Провидцем в некотором роде
Хотя поэтом по природе.
Победу он заговорил,
Героев всех он восхитил

Своим достойным уваженьем,
Он этим жил, их продвиженье
Он тоже предсказал, – сбылось!

Сменилась почитаньем злость.

Груды героев всех в наградах,
Обласканы царём, любимы,
И близкие подаркам рады,
Имения, дворцы всем милы...

Плоды любви, как видим, зримы,
Кому какие, выбор есть,
Одни средь женщин сеют лезть,
Другие их на век любили.

10 Александр и Эдмон

«Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаям упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, носи меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые,
Подруги тайные моей весны златая,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...»
А.С.Пушкин

Растаял остров. «Победитель»,
Известный всем злодей – грабитель,
Любите или не любите,

Жива лампада, – есть обитель...

Он был наказан, отбывал
Последние года дышал.
Поныне честь Наполеону,
В Париж «вернулся», – в Пантеон.

Много веков лежит там он
Символ побед, богатства, лести.
Будет внушать французам сон:
Зов на Восток, призывы к мести.

К шлюпке с горы они спустились,
С Эдмоном ближе подружились.
Пушкин сумел с двух слов понять —
Незауряднейшая знать.

Звучала в каждом слове речь
Интеллигента, – добрый малый,
С которым можно, и не мало,
Тем обсудить, сумел привлечь

Поэт к себе его внимание,
Нашёл взаимно понимание.
Шла шлюпка к бригу, обсуждали, —
Пушкин с Эдмоном так нуждались

В общении, быстро убедился:
В душе поэтом он родился,
Что под матросским одеяньем
Есть очень много обаянья...

На бриг поднялись, – пригласил,
Эдмон к себе, прийти просил.
Сошлись они: «вода и пламя»
Как брызги лавы из вулкана,

Речь молниями полыхала
Слова метались как клинки,
Каждый чудес знавал немало,
В речах друг друга увлекли.

Изголодавшись по беседам,
Наш Александр много поведал
Морских дел новому коллеге,
Поведал о своих он бедах...

Эдмон же не скрывал свою
Историю любви несчастной:

К ней подлецы были причастны
Обман, коварство не корю

Уж больше, – нет в мести морали...
Любовь, – ждала его она,
Красавица, почти жена...
Судовладельца дочь давали

Ему, на радость, уж приют
И сговор с нею совершён,
Готов на свадьбу, счастлив он.
К венцу на паперть поведут

Её, и ритуал свершится.
Счастливы будут, словно птицы,
Мечта жить с ней, – уединиться,
Детей иметь, – осуществится!

Поэт пленил Эдмона к дружбе,
Ему стал ближе, и послушней,
И откровенней с ним в ответ,
Сердечных тайн и ран поведал,

Эдмон на свадьбу пригласил,
Но Пушкин скромно отклонил.
Дантес так сильно настоял,
Что Александр той просьбе внял.

В библиотеке он нашёл
Заветный прежде стих, – прочёл.
Эдмон заметил и отдал,
Тот Гёте томик подписал.

В Неаполь прибыли наутро.
Спустили молча паруса,
Пришвартовались, небеса
Закрыли горы, перламутром

Сверкали окна на домах.
Расчёт поэт взял, – при деньгах.
Сердечно попрощался с другом,
И в путь пустился, в Рим, к подруге.

11 Храм в душе Александра

Конечно же не сразу сел
Поэт в карету и уехал.
Как можно? – Берег песню пел,
И рыбаки вторили эху!

Свой труд они споро творили
А их душа в слова рядилась.
Так обласкала слух поэта
Песня Италии заветной.

Мелодии боготворил поэт,
Они в нём зажигали Свет.
Но тут простой рыбак запел
Печально, и струну задел.

У Александра воскресил
В минуту образ, что носил,
Который мужество дарил,
Ему прибавил столько сил.

И вспомнил он, как поселился
На Мойке в Питере с женой.
Душой холодной и чужой
Та стала, – дамой роковой.

В Волконской доме дух царил,
Напоминало о Марие
Раевской – это выше сил.
Ведь раньше сын её там жил!..

Похож! Лицом напоминал
Образ заветный, как укором
Он представал пред ним бесспорно.
И мучась тем, что потерял...

Песня сковала адской мукой.
Везувий он глазом «мазнул»,
Дымилось жерло, по «науке»
Под ним таился Ад, тонул

В нём грешных душ чёрный поток,
Как очередь с суда тех грешных,
Кто Бога вспомнил безутешно
Лишь в скорбный час, – себя обрёл...

Он Храм в душе себе создал,
Писаний принял идеал.
Ведь кто живёт с душой такой,
Найдёт в себе ответ благой:

Куда идти? Что слух ласкает?
Где край той ветхой суеты?
Там в тишине найдёшь и ты
Себе причал, где завершает

Благословенный путь ходок.
Ведь каждому есть уголок,
Куда душою он стремится,
Чтоб от людей уединиться,

С биеньем сердца согласиться,
Его ударам подчиниться
Где дышится легко, где птица
Взлетает, не боясь разбиться...

Он на корабль оборотился,
С привычным парусом простился,
Гладь моря зеркалом блестит,
Поэт на город не глядит.

Предупредил его Эдмон,
Чтоб не зевал в городе он,
Печально славная Каморра
Нашлёт на каждого здесь вора.

Со скукой Александр зевнул,
И в кабачок сразу свернул.
Перекусил, запил вином,
Дал за постой, свалился в сон.

Какое Райское блаженство
Вытянув ноги просто спать!
Не то, что в гамаке дремать
Под вантов скрип и храп (не женский:-)...

Ночей бессонных накопилось
У Александра очень много:
Такая долгая дорога
Выматывает... Только силы

И цель поэта в даль несла:
Мечтал свободу обрести,
Ценой любой, лишь бы уйти.
Царя цензура возросла,

Обязан лгать, побольше лести,
Всё время быть ему полезным
Не по душе! Снять «кандалы»!
И жизнь сменить, хотя – б вдали...

Лишь солнца луч лица коснулся,
Поэт наш мигом вострепнулся.
Стоит внизу, ждёт экипаж,
Поёт счастливый кучер – паж.

В дорогу быстренько собрался,
Сел в бричку, конь резво помчался.
Увидел городе он храм,
Зашёл, молитву прочитал.

Глазами по гербам, геральдам, —
Знакомых не нашёл имён,
К чужбине прикоснулся он,
Покинул храм, бредя печально.

На выезде нашёл некрополь,
Прошёлся вдоль скорбных камней.
Там много греческих семей,
Но есть и русские, их тропы

Уж заросли, никто не ходит,
Кресты между камней находит.
Их жизнь от Родины вдали
Окончилась, года сочли...

Недавно Нэльсон побыл здесь,
В потоках крови утопил:
Винных и невинных бил:
Слепа коварна его месть.

Отпор Россия дала им.
Неаполь помнит о защите
И от французов, и от бриттов!
И благодарен будет им!..

12 Безответная любовь к Александру

Дорога в гору побежала
И серпантином извивалась.
Неаполь позади лежал,
Подковой море прижимал.

Вдали Везувий чуть дымился
И горизонт с землёю слился.
Поэт картиною дивился, —
С горы простор ему открылся.

В заливе масса кораблей,
Лес мачт, канатов, масса рей...
Душою с ними он простился
И в думы снова погрузился.

Он вспомнил, как в Москве блистал
На Моховой у Лизаветы.
Кумиром был, любимцем этой
Вдовы весёлой быстро стал.

Кутузова дочки. Поэта,
Любя, приблизила. Опеку
Над ним взяла. Он отвечал,
Уважив возраст Лизаветы.

Стихи ей слал, и слушал пенье,
В салоне часто он бывал.
По её просьбе выступал,
Читал все новые творенья.

Ценила в нём талант высокий.
Судила критиков жестоко.
Отпор давала за него,
И выручала чуть чего...

Пришла пора остепениться.
Наталию выбрал, чтоб жениться,
Елизавете сообщил,
Напутствий много получил.

Представил суженую в свете, —
Понравилась Елизавете,
Но отзыв лишь ему сказала,
Не долго счастье предсказала.

Салон её и в Петербурге
Блистал. И спорили про бал,
Кто лучше пел, а кто мазурку
Там лучше всех протанцевал.

У дочки Долли бал давали.
(Жена австрийского посла).
И «дэнди» записные рвались
Попасть туда, – легла молва:

Пушкин и там стихом блистал,
Не равнодушен Долли стал.
Одно свиданье подарила,
Хотя для всех скалою слыла.

В руках он был Елизаветы,
Им управляла как могла.
Не скрыть измену от посла, —
Интригу закрутил за это.

Ведь дипломат был, – неспроста.
Руками Геккерна —Дантеса
Он наказать решил повесу.
На всё пошёл ради посла

Дантес, чтобы достать поэта.
Кавалергард- (Елизавета
Рекомендацию дала,
Охраной стал он для царя!?),

Когда с Натальей близким стал,
Его к ней Пушкин ревновал.
Но извернулся от дуэли
Дантес, – женился в самом деле...

Екатерину он избрал,
Для Пушкина роднёю стал.
Коварно как- то и противно,
Поэт замолк, свежи мотивы.

Ему совсем невыносимы.
Писал письмо, чтобы уехать
В Париж. Тянулось это зиму,
И наконец- таки успех!

Позвали. План созрел у тех,
Кто столько сил на слежку тратил,
И сколько денег зря потратил...
Выслать его! – и дел-то всех...

И чтоб он имени лишился,
И в свете больше не крутился,
И жён чужих не соблазнял,
Царя семью не волновал.

Тургеневу его поручим,
Пусть провернёт всё так как лучше.
Но всё подпортил им Дантес,
Стрелял он первым, – вот подлец!

Опасная рана была,
Лечить не взялись доктора.
Одна Елизавета знала,
Как быть, к поэту подползала...

Как в храм, вошла и прошептала,
Ему что делать, – убеждала.
Вручил судьбу свою Хитрово,
Поверил ей тогда на слово.

Добилась Лиза через Долли, —
Хирурга вызвали средь ночи.
Дантес был ранен, но не очень,
Посол месть утолил, доволен.

Поэта подлечил хирург,
Хотя считали, что он – труп.
Лечили год его, скрывали,
Елизавета, Долли знали.

Царь Николай когда узнал,
Взъярился, помнить приказал.
Тургенев знал всё про подмену,
Поэтому сменили «сцену»:

«Отпели» его не в той церкви,
«Похоронили» рядом с мамой.
По предсказанью вещей дамы
Как знал, купил предвидя жертву.

Год пролетел, пора – б по чину
Отметить скорбно годовщину...
Друзья же, помня о запрете
Попрятались, лишь Елизавета

Верна осталась при поэте,
Спасла его, чудес тут нет.
Набрался сил, здоровым стал,

Благодарил, на ноги встал...

План удался, потерял след.
На пристань едет в новый Свет
Навстречу новым приключениям,
Своё прославив воскресенье.

13 Наследство и предсказание Александру

С высот подоблачных на море
Смотрел поэт, вдали просторы,
И волны белой бахромой
Бегут на берег чередой.

Бескрайны кажутся берега,
Равнина примыкают к морю,
И зелень хлеба на полях,
Стоит и пьёт влагу любя...

Преодолели горы – спуск,
Лошадка держит бричку, груз
Привычен, кучер всё- же слез,
Ведёт коня, страхует съезд.

Дурман цветов парил на солнце,
В фляжке с вином виднелось донце.
Кружилась голова поэта.
Неведомо, цветы иль эта

Живая влага южных вин,
Или эмоций дивных джин
Проснулся, и вдруг переполнил
Терпенья чашу. Моря волны

Бились о Кумы – город мифов.
Не пощадили войны храм.
Развалины и тут и там
Хранили вход, лишь моря рифы.

Нашёл поэт храм православный,
Ступени вниз на три шага,
За ними вход, – крепки врата,
Как крепость сложен портик главный.

Перекрестившись, Александр
Зашёл в незапертые двери,
Пахнуло ладаном, орган
Звучал не в лад по нашей вере...

Храм греческий... Пред образами
Поэт поклоны отдавал,
И крестный дух над ним витал.
И вдруг поэт наш словно замер!

Себя, родного, увидел!
В нише портрет его стоял, —
Орест Кипренский рисовал
В Москве, когда в гостях бывал.

Вдруг слышно голос в тишине, —
(Орган замолк давно уже...)
«О! Здравствуй Пушкин, Александр!»
Стоит пред ним наш, из дворян,

Под клобуком седые кудри,
Дьяк,.. с следом сабли на лице?!
Пред ним, наверно, офицер..
Кто Вы, скажите, старец мудрый?

«Что в имени? – имён чтоль мало?» —
Иван, хотя менял немало!
Молил я Бога, вот настал
Тот день- всё- ж Вас я увидел!

Писал Державин мне о Вас!
Стихи прислал, Ваш первый опыт.
От эпиграмм и от проказ
Я восхищён! И каждый опус

Я выкупал, – и здесь скопил,
Стихов собрание, – осветил,
Создал библиотеку, – горд
Что так украсил сей собор!

Позвольте мне обнять поэта:
Жизнь скрашивал анахорета!
Три страсти мои не земле:
Орган, стихи и вера мне

Продлили жизнь с тех пор, как вышел
В отставку, и сошёл на берег.
Я службу Богу выбрал, вере!
Сменил орудий гром, но верен

России православной нашей,
Я рад, что выпил эту чашу.
России здесь оплот, – ведь наши
Средь греков жили здесь бесстрашно.

Екатерина нас послала
Здесь православных защищать.
Орлов, Нахимов наказать
Сумели турок, – тех вандалов!

– «Иван, я помню их батальи,
Ещё в лицее нам сказали
О Ваших подвигах благих,
И как разбили флот там их!

Мы восхищались и гордились
Что там же, где и Одиссей,
Наши герои славно бились,
И в мире стали всех сильнее!»

Иван поэта пригласил
В исповедальню, расспросил.
Судьбе его он удивился,
Сказал: « Ты заново родился!

Наверно, Бог берёт тебя
В те роковые дни, любя.
Снимает крест златой с себя
Венчает им его, крестя.

Так удивлён был Александр,
Хотел его предупредить,
Но не велел Бога гневить
Иван, вручая талисман:

Его достоин ты носить,
Да сбудутся твои мечты!
Утрачено время, и жить
Уже мне мало, служи ты

По совести и разуменью,
В тебе так много есть уменья
Любовь к России возносить,
Чтоб людям было за что жить!

Вот скоро выйду на покой, —
Дух с телом часто расстаётся...
Не много жизни остаётся,
Тебе- ж творить ещё, сын мой!

Ты «Одиссею» совершил,
И много сил в неё вложил,
Потратил, чтоб свела судьба
Нас вместе, – это чудеса!

Позволь мне передать наследство
Тебе, чтоб ты не знал бы бедства.
Своих я вырастил, – богаты...

Тебя же поддержать я рад.

Вручил шкатулку, – это клад.
Хранил его один пират,
Не шёл ко мне- уже лет тридцать,
Нашёл, наверно, конец жизни...

Мне руки жжёт, – тут столько крови!
Ты вправе взять, – Дай Бог здоровья!
Твори добро во имя Бога!
Я рад, – нашёл ко мне дорогу.

Я вижу по твоей руке:
Три женщины могут тебе
Построить счастье в этом свете.
Их слушайся! Твои же дети

Придут к тебе, следом их мать.
И счастлив будешь ты опять!
А счас ступай! Время молиться.
Перекрестил и удалился...

14 Александр и Русская Америка мецената

Что это было? Явь или сон?
Как одурманенный обвёл
Глазами храм- из камня пол,
Под ним наверно утаён

Тот клад несметный, о котором
Поэту только что поведал
Иван, открыв душу в ответ
На исповедь, что веры нет

Ни женщинам, что он любил,
Ни тем друзьям, с какими пил,
Ни Государю, – тот убил
Друзей его, кто верен был

Идеям равенства и братства,
Ни прихвостням, с кем близок был, —
По службе юнкерской служил.
Надеялся на реформатство,

А получилось ретроградство...
А так всё славно начиналось!
В Аляску русские вживались,
И в Калифорнии их братство

Форты воздвигло, – от пиратов.
Судам бичом были на море.
Где же укрыться на просторе?
У русских, – пушки били гадов!

И там Иван тогда ходил, —
Поэту это говорил.
Поддержки флот тогда просил,
Но не было у царя сил

Осваивать далёки земли.
Сердечные лямку влачили,
Хотя на самородках жили.
Иван охотился не дремля,

Нашёл один он самородок
Хранила золото природа,
Не жаден был, – взял то, – от Бога, —
Считал, – ему подарок вроде...

Он обеспечил всех родных,
Для храма взял мастеровых.
Вот отчего по праву чести
Достойно жил он в славном месте.

И рад был, что сыны, невестки
Дарили внуков, – есть и правнук...
Забавный, – будет в деда славным,
Отрада в старости – дар веский!

Друг друга поняли они,
Живой историей казался
Поэту он, и восхищался
Жизни геройской там вдали.

Иван как в зеркале купался
В глазах восторга и любви,
Он знал, чем Пушкин даровит,
Надеялся, – не сомневался:

Ещё немало он историй
В стихах иль прозе удостоит
Правду о русских, будь то воин
Или моряк, иль раб факторий,

Каким он был, – благословите, —
России верным он служил.
Вот почему как покровитель
Поэту стать теперь решил...

Как наважденье в тех былинах
Случилось здесь, церковь покинул,
С теплом простившись, помолился,
Запечатлеть в глазах стремился.

Если- б не крест грудь грел, то сном
Поэт назвал бы что случилось.
Открыл шкатулку, – свет струился
От каждой грани, и весом

Судьбы подарок был заветный.
Там бриллианты адским блеском
Сверкали, – были там подвески,
И диадемы и браслеты.

Шкатулку знатную закрыл,
Сел в бричку, в Рим он покатыл.

15 Александр в Русском доме в Риме

*«Желая отыскать спасенья двери,
Три человека, все святые в равной мере
И духом преисполнены одним,
Избрали для сего три разные дороги.
А так как все пути приводят в Рим,
То каждый к цели, без тревоги,
Пустился по тропиночке своей...
(Чтобы решить все) ...тяжбы меж людей»...
Жан Лафонтен*

На перекрёстке трёх дорог
На площади блестит фонтан.
Нептун плывёт по волнам к нам,
Морских стихий несменный Бог.

Волны его несут и плещут,
Коньки подводные, трепеща,
Ладью с пучин несут гурьбой
К лагуне стройной чередой.

Любовнице дворец не мал
Царь Александр при жизни снял.
Аплодисменты все срывала
Там Зина, лицедействовала.

Богема вся была в восторге
От её русских вечеров.
Весь мир знал, где найти без торгов
В подарок русскую любовь.

Дух торжества искусств царил
Писателям поэтам рад
Приют у Мельпомены был.
Там вместе с Талией, Эрато

И Аполлон музыкой жил.
Богам поэзии и танца
Вошедший всяк боготворил,
Звучали оперы, романсы,

И дух России в каждом жил.
Но предал царь, народ свой бросил.
И конституцию подбросил
Полякам, финнам, – подарил...

От всех царь Александр укрылся,

В монастыре он поселился.
Царь Николай вертепом римским
Дом всех искусств прозвал с ужимкой:

В подмоге Музам отказал.
Пришла пора переселяться
На виллу, – где же деньгам взяться,
Кто – б Русский дом в Риме держал?...

Перенесла тот вечный бал
Волконская из центра прочь,
Но центр за ней- словно кристалл, —
Ему дай свет, – прогонит ночь, —

И в вилле так же он блистал
И дружелюбней к русским стал.
Там Акведук восстановила,
Что Клавдий древний возводил.

Садами земли засадила,
Аллеи Памяти и Смерти,
На память близким оградила
Нашлось там место, уж поверьте, —

Для Баратынского и Гёте,
Жуковского, Карамзина,
Байрона, и её поймёте, —
Любимого её царя.

Уж весть дошла, заказан бюст
Для Пушкина, – есть подстамент...
России прежде тут в момент
Возникнет памятник, и грусть

Будет куда ему излить,
И где венок там положить...
Звонок прервал ту тишь идиллий
Врата на вилле приоткрыли,

Въезжает бричка, без фамилий
Поэт ворвался в этот мир.
И к Зинаиде прямым ходом, —
Как был, – весь пыльный из похода

Без церемоний он влетел,
Дворецкий даже обомлел.
И Зинаида не признала,
Тогда поэт ей прошептал,

Заветные слова сказал
На ушко, и поклон отвесил,
«Как? Это Вы? Ах Вы – повеса!»
И увлекла его в свой зал.

Никто слова их не слышал,
И что он ей порассказал
Про смерть свою там понарошку,
Про воскрешенье, и дорожку,

Что по Италии вела
К ней в Рим на виллу привела.
Конечно же про Одиссею,
Про предвкушенья встречи с нею.

Шкатулку скромно умолчал,
Хотя о дьяке рассказал.
Она в восторге от рассказов!
Приём ему был тут оказан.

Его обняла как тогда,
Заботилась о нём сама.
Всем сообщила: гость заморский
Князь Ганнибал средьземноморский!

Отныне тут его так звать,
Кормить- поить, и не мешать!

16 Александр и Зинаида в Риме

«О, символ Рима! Гордое наследство,
Оставленное времени и мне
Столетиями пышных властолюбцев!
О, наконец-то, наконец я здесь!
Усталый странник, жаждавший припасть
К истоку мудрости веков минувших,
Смирено я колени преклоняю
Среди твоих камней, и жадно пью
Твой мрак, твоё величие и славу.

Громада. Тень веков. Глухая память.
Безмолвие. Опустошенье. Ночь.
Я вижу эту мощь, перед которой
Всё отступает – волшебство халдеев,
Добытое у неподвижных звёзд,..
...Где падали герои – там теперь
Подрубленные временем колонны,

Где золотой орел сверкал кичливо —
Кружит в ночном дозоре нетопырь,
Где ветер трогал волосы матрон —
Теперь шумят кусты чертополоха,
Где, развалясь на троне золотом,
Сидел монарх – теперь по серым плитам
В больном и молчаливом лунном свете
Лишь ящерица быстрая скользит,
Как призрак в ложе мраморной скрываясь...

Так эти стены, выветренный цоколь,
Заросшие глухим плющом аркады,
И эти почерневшие колонны,
Искрошенные фризы – эти камни
Седые камни, – это всё, что Время,
Грызая обломки громкой, грозной славы
Оставило судьбе и мне? А больше
И не осталось ничего? – ОСТАЛОСЬ!

ОСТАЛОСЬ! – эхо близкое гудит.
Несётся вещий голос, гулкий голос
Из глубины руины к посвящённым.
(Так стон Мемнона достигает солнца.)
«Мы властвуем над сердцем и умом
Властителей и гениев Земли!

Мы – не бессильные слепые камни —

Осталась наша власть, осталась слава,
Осталась долгая молва в веках,
Осталось удивленье поколений,
Остались тайны в толще стен безмолвных,
Остались громкие воспоминанья,
Нас облачившие волшебной тогой,
Которая великолепней славы!»

Эдгар По «Колизей»

К обеду Пушкин лишь проснулся, —
Всю ночь сны снились у него.
По ним стихи вдруг встрепенулись,
И в руки просится перо.

Стук в дверь: поднос, кофе на нём
С печеньем дивным принесли.
Поставили, тихо ушли,
Промолвив: «С утром, с ясным днём!»...

В углу – прекрасный секретер,
И стопочка белой бумаги,
Чернильница, перо, – вот благо!
И пресс – па- пье есть на «десерт»!

Писал в тиши под вдохновенье,
Стихи рождались во мгновение.
Как будто кто там диктовал,
Писать он еле успевал...

Шторы раздвинул – с окон свет
Залил просторное жилище,
Вещи все здесь, теперь не нищий,
Шкатулка в чемодане есть.

Она – залог судьбы и чести...
И пригодится, верно, здесь,
Немало надо ведь успеть, —
Обжиться и всё осмотреть.

Обдумывал свои идеи,..
В окне – прекрасные аллеи.
Он в сад вышел ногу размять,
Знакомых бюсты здесь стоят.

Цветы у каждого по чести.
Вот постамент, – читает он-
Венцом из лавра обнесён-
Ему тут памятник без лести

При жизни кем-то освящён!
Читать такое выше сил,
Ему вдруг сердце защемило.
Второй раз в жизни удивлён-

Не чаял памятника здесь
Себе увидеть, – Зинаида, —
Казалось, – на него в обиде.
Ему такая дана честь!

В душе её, наверно, есть
Любви заветной к нему место,
Не зря он прочил всех в невесты,
Хотя в «отставке» был раз шесть...

Не время думать о камнях,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.